

Вырезка из газеты

ПРАВДА

от

7. АПР. 41. 5

Москва

Газета №

Рождение литературного спектакля

Пустая сцена, без декораций, без занавеса. В кресле сидит человек в обычном черном костюме. Все просто, строго и буднично. Но вот человек начинает читать. И слушатель забывает о сцене, о декорациях, о черном костюме. Перед его взором проходят живописные картины Багдада, цветут чудесной красоты сады, бьют фонтаны, оживают герои повествования — и злой джинн, и своевольный Шахрияр, и мудрая Шахразада, и прекрасная Таваддут.

«Среди великолепных памятников устного народного творчества «Сказки Шахразады» являются памятником самым монументальным, — писал Горький. — Это словесное тканье родилось в глубокой древности; разноцветные шелковые нити его простерлись повсей земле, покрыв ее словесным ковром изумительной красоты». Сурен Кочарян, мастер художественного слова, вынес этот дивный ковер на сцену. Чтение его безупречно и талантливо, это не концерт, а спектакль.

Но покинем зрительный зал и посмотрим, как рождался этот спектакль, пройдем за кулисы творчества артиста. Тысячу ночей и еще одну ночь рассказывала Шахразада свои яркие сказки царю Шахрияру. Восемь томов, свыше пяти тысяч страниц наговорила прелестная дочь визиря своему повелителю. Если бы Кочарян исполнял все подряд, ему пришлось бы месяцами сидеть в кресле Бетховенского зала Большого театра.

И артист сел за работу. Композиция задумана им как гимн жизни во всех ее проявлениях, слава женщине и любви. Он сохранил полнокровный оптимизм сказок, их глубокую мудрость. Он бережно собрал все ароматное и пышное, столь щедро разбросанное по страницам «Шахразады» — ее остроумные сюжеты, изумительные афоризмы, яркие образы и меткие поговорки.

Он создавал вещь в сто раз меньшую оригинала, но воплощающую те же идеи,носящую тот же дух, облеченную в ту же форму. Границы некоторых рассказов Шахразады он расширял новыми подробностями, а другие сказки свел к двум — трем строкам изложения. Но нигде артист не вносил отсебятины, всюду придерживался строгих рамок текста. Для описания, скажем, сада во дворце Шахрияра он воспользовался красками всех садов, упоминаемых в восьми томах. Гнев Шахземана усилен чувствами многих других героев книги.

Но после столь энергичной переработки не потеряла ли композиция своего родства с оригиналом, осталась ли она «Шахразадой»? — Да, — отвечает такой авторитет, как академик И. Ю. Крачковский. — Композиция впоена родниками этой могучей реки

народного творчества, она — плоть от плоти оригинала.

Первый вариант композиции имел 150 страниц. Кочарян переделывал ее еще трижды, уплотнял, шлифовал, добивался наибольшей выразительности. И сейчас в ней 51 страница! Столь же кропотливо он работал раньше над композицией «Давида Сасунского», претерпевшей шесть редакций, над страницами Шота Руставели, Джованни Бокаччо. А затем началось упорный, тяжелый труд заучивания текста наизусть. Зубрежка. Десять часов каждый день на протяжении многих месяцев. Искание художественных образов, интонаций, жестов, мимики.

Программа готовилась полтора года.

Художественное чтение — искусство необычайно трудное. Речь идет не о лирическом пересказе текста, а о спектакле. Чтец должен выпукло, стереоскопически показать слушателю произведение, выметить курсивом мысль автора, проявить свое отношение к нему, что-то сказать аудитории. Так читают Качалов, Яхонтов, Шварц, Журавлев, Орлов, Каминка. Так читает и Кочарян.

Свободно и просто льется его пластический рассказ. Его голос широкого диапазона то громом зовет к бою, то шепчет, ведает о печали. Четкая дикция, ясность каждого звука до слушателя нежнейшие стилистические нюансы сказок. Для каждого героя артист находит особую манеру речи, особый ритм, краски, рисует его отлично от других. К одним исполнителем настроен иронически, к другим — равнодушно, третьим явно сочувствует, четвертым восхищается.

И все это дополняется, украшается богатой мимикой, точным, продуманным жестом. Раньше Кочарян был актером Армянского театра им. Сундукяна. Он играл Скалозуба, Чацкого, Фурманова; в его репертуаре было свыше 40 ролей. Но драма не удовлетворяла Кочаряна, и в 1931 году он, несмотря на свое ведущее положение в театре, ушел на эстраду. Актерская школа дала Кочаряну большой опыт, смелость игры и жеста, запас приемов, которыми он пользуется широко и полно. Раньше он выступал в Армении и поэтому сравнительно мало знаком московскому слушателю. Между тем «Шахразада» — уже пятнадцатая программа Кочаряна.

Не все, конечно, бесспорно в этом спектакле. Вряд ли нужно было включать в него малохудожественный рассказ о Джафареи больном старике, слишком растянута сказка о семи визирях. Но в целом композиция исполняется с большим чувством и настоящим мастерством.

Л. БРОНТМАН.